

НЕЗНАКОМЕЦ С ПЛАТКОМ

— АННА ЛИС —

— РОМАН О ЛЮБВИ И ПРИНЯТИИ —

АННА ЛИС

Незнакомец с платком

<https://litres.ru/74267262>

SelfPub; 2026

Аннотация

Время истекает. Любовь — нет.

Двое обречённых встречаются у кромки моря, где волны лижут берег, словно прощаясь. У них нет завтра. Есть лишь сегодня — хрупкое, как последний вздох, зыбкое, как тень на воде. И список желаний, который нужно успеть вычеркнуть, пока ещё слушаются пальцы, пока ещё не остыло сердце, пока ещё можно успеть сказать всё, что не сказано.

«Незнакомец с платком» — тихая, пронзительная история о том, как научиться отпускать, растворяясь в солёном ветре, и найти в себе силы дышать дальше, когда каждый вдох — уже прощание.

Содержание

ГЛАВА 1. Незнакомец с платком	4
ГЛАВА 2. Утро	9
ГЛАВА 3. Кофе и булочки	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

АННА ЛИС

Незнакомец с платком

ГЛАВА 1. Незнакомец с платком

Она сидела на скамейке у моря и плакала. Негромко, почти беззвучно — слёзы катились по щекам, и она не пыталась их стереть. Ветер подхватывал их, уносил в серую дымку, где небо сливалось со свинцовой водой.

Море здесь было суровым, северным. Волны с глухим рокотом накатывали на берег, разбивались о скалы в пенную крошку и отступали, чтобы с новой силой ринуться вперёд. На мысе одиноко возвышался маяк — обветшалый, красный с белым, с потрескавшейся от времени краской. Он уже не служил ориентиром кораблям, но оставался памятником тем, кто когда-то искал спасительный свет его лампы.

Она приехала сюда три дня назад. Маленький приморский городок, затерянный на краю земли. Маяк, скалы, безлюдный пляж — и ни одной души, которая спросила бы: «Что с тобой?»

Никто не спрашивал. И это было благословением.

Нике двадцать девять. Высокая, стройная, с длинными тёмными волосами, которые ветер путал и бросал в лицо. Большие серые глаза, сейчас покрасневшие от слёз. Бледное,

почти прозрачное лицо. Она знала, что выглядит уставшей, измождённой, но ей было всё равно. Она смотрела на закат — багровый, тяжёлый, умирающий — и думала о том, как мало таких закатов ей осталось.

Врачи дали полгода. Или год, если повезёт.

— Дурацкое море, — прошептала она. — Дурацкий закат. Дурацкая я.

Слёзы хлынули сильнее. Она закрыла лицо руками.

Шаги слышались не сразу. Сначала только ветер, потом хруст гравия. Она подняла голову.

Мимо проходил мужчина. Лет тридцати пяти, высокий, худощавый, в тёмном пальто. На лице — следы бессонных ночей: морщины у рта, тёмные круги под глазами, короткие русые волосы с сединой на висках. Крупные руки с выступающими венами он сжимал в кулаки и разжимал, будто проверял, слушаются ли.

Он уже миновал её, но вдруг остановился. Замер. Вернулся и молча протянул платок — обычный, белый, чистый.

Она взглянула на него сквозь пелену слёз и внезапно рассмеелась.

— У меня тоже есть, — сказала она, вытирая щёки рукавом. — Но спасибо.

Он не ответил улыбкой. Только кивнул и сел на другой конец скамейки. Достал сигарету, закурил, глядя на море.

Они сидели молча минут пять. Затем он затушил окуроч, спрятал его в карман и произнёс:

— Я тоже плачу. Иногда. Только внутри.

Она повернулась и взглянула на него внимательнее.

— Почему внутри?

— Потому что снаружи уже не получается, — ответил он, глядя на свои руки. — Скоро вообще ничего не будет получаться.

Она хотела спросить, что он имеет в виду, но вдруг поняла. Этот взгляд. Эта тихая, спокойная обречённость. Она видела его в зеркале каждое утро.

— Тоже? — спросила тихо.

Он кивнул.

— Тоже.

Ветер усилился. Волны бились о скалы, брызги долетали до скамейки. Чайки кричали над маяком, и их крики смешивались с шумом прибоя.

— Юра, — сказал он и протянул руку.

— Ника, — ответила она, пожимая её.

Его рука была холодной. Но живой.

— Давно ты здесь?

— Три дня. А ты?

— Неделю. Снял комнату у маяка. Там тихо.

— Тихо, — согласилась она. — Слишком тихо.

Помолчали.

— Знаешь, — сказал он, не глядя на неё, — я за этой скамейкой наблюдаю несколько дней. Ты приходишь каждый вечер. Сидишь. Плачешь. Уходишь.

Она вздрогнула.

— Ты следил?

— Нет. — Он покачал головой. — Просто смотрел. Думал: подойти или нет. А сегодня... не смог пройти мимо.

— Почему?

— Потому что я знаю этот взгляд. Когда смотришь на закат и думаешь: сколько их ещё?

У неё перехватило дыхание.

— Ты тоже считаешь?

— Каждый день. Каждое утро просыпаюсь и считаю. Сколько ещё смогу встать. Сколько ещё смогу заварить чай. Сколько ещё смогу дышать.

Она смотрела на него, и внутри что-то переворачивалось. Не от жалости. От узнавания.

— Я тоже считаю, — прошептала она. — Каждую минуту.

Он кивнул.

Они сидели до темноты. Не говорили больше ни о чём важном: о погоде, о маяке, о том, что чайки здесь наглые и воруют еду из рук. Просто слова, за которыми можно спрятать боль.

Когда она встала, он сказал:

— Завтра я буду здесь. В это же время.

Она посмотрела на него — на усталые глаза, на руки, которые всё ещё сжимались и разжимались.

— Хорошо. Я приду.

— Зачем? — спросил он. — Почему ты соглашаешься?

Она задумалась на секунду.

— Потому что с тобой легче. Ты первый, кто не спрашивает «как ты?» и не ждёт ответа «нормально». Ты просто... есть.

Он долго смотрел на неё.

— Я тоже так думаю. О тебе.

Она улыбнулась. Впервые за долгое время — не через силу, не для вежливости, а просто так.

— Тогда до завтра, Юра.

— До завтра, Ника.

Она ушла. Он остался сидеть на скамейке, глядя на чёрное море. Внутри плакало что-то, чему он не давал воли уже полгода. Но сегодня, рядом с этой незнакомкой, плакать хотелось чуть меньше.

Она вернулась в свою комнату, разделась, легла. За окном шумело море.

— Дурацкая я, — повторила она, но теперь в голосе звучала улыбка.

— Юра, — прошептала в темноту. — Кто ты?

Где-то там, на скамейке, может быть, всё ещё сидел незнакомец с платком. А может, уже ушёл. Но завтра он будет снова. И она придёт.

Впервые за долгое время ей захотелось дожить до завтра.

ГЛАВА 2. Утро

На следующий день она пришла раньше. Солнце ещё не село, но уже клонилось к горизонту, окрашивая небо в бледно-розовые оттенки. Море сегодня было тише: волны лениво касались берега, оставляя на песке белую пену.

Ника сидела на той же скамейке, кутаясь в пальто. Ветер играл её волосами, но она не чувствовала холода. Взгляд её был прикован к маяку — старому, красному, с облупившейся краской.

— Ты рано.

Она обернулась. Юра стоял в нескольких шагах, в руках — два бумажных стаканчика.

— Боялась, что ты не придёшь, — призналась она.

— Я всегда прихожу, — ответил он, садясь рядом. Протянул ей стаканчик. — Кофе. Горячий. Из той кофейни у маяка. Не знаю, какой ты любишь, поэтому взял обычный, с молоком.

— Спасибо. — Она приняла стаканчик, обхватила ладонями, впитывая тепло. — Ты угадал. Я именно такой и пью. Он кивнул и уставился на море.

— Хочешь пройтись? — спросил он. — Тут есть тропинка вдоль берега. До старого маяка и обратно. Минут сорок, не больше.

— Я не быстро хожу, — предупредила она. — Устаю.

— Я тоже не быстро, — ответил он. — И тоже устаю.

Она взглянула на него — на его руки, которые сегодня сжимались и разжимались чуть чаще обычного.

— Пойдём.

Они шли медленно, в такт волнам. Тропинка вилась вдоль самого берега, то приближаясь к воде, то ныряя к скалам. Слева шумело море, справа тянулись холмы, поросшие жёсткой серебристой травой.

— Ты здесь один? — спросила Ника.

— Один.

— А раньше? До того, как...

— До того, как понял, что скоро всё? — спокойно закончил он.

Она вздрогнула. Так прямо об этом обычно не говорят.

— Прости, — сказал он, заметив её реакцию. — Я не умею ходить вокруг. Если тебе неприятно, я могу...

— Нет, — перебила она. — Не надо. Я тоже не умею ходить вокруг.

Он едва заметно улыбнулся.

— Тогда честно. До того, как заболел, я работал инженером. Проектировал мосты. Мечтал построить что-то большое, что останется после меня. А теперь понимаю, что после меня ничего не останется. Ни мостов, ни детей, ни даже долгов. — Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Только пара эскизов. Да несколько коллег, которые через год забудут моё имя.

Ника молчала. Она знала это чувство: время уходит сквозь пальцы, а в руках — ничего.

— А ты? — спросил он.

— Я художница, — ответила она. — Писала картины. Большие, маслом. У меня даже выставка была однажды.

— Была?

— Была. Потом я перестала. Сначала просто не могла найти сил. Потом поняла: если начну — не смогу остановиться. А останавливаться придётся.

Они остановились у большого камня, наполовину скрытого песком.

— Посидим? — предложил Юра.

Она кивнула. Они опустились на камень, глядя на море.

— Я боюсь, — прошептала она. — Не смерти. А того, что не успею. Не успею нарисовать всё, что живёт в моей голове. Не успею сказать то, что хочется. Не успею...

— Побывать с кем-то? — закончил он.

Она подняла на него взгляд. Ветер трепал его волосы, и в розовом зареве заката он казался почти красивым — не внешней красотой, а той, что проступает изнутри.

— Да, — сказала она. — Побывать с кем-то. Кто поймёт.

Он смотрел на море, его пальцы снова начали свой нервный танец. Потом произнёс тихо:

— Я тоже боюсь. Только другого.

— Чего?

— Что привыкну к тебе. Что станешь важной. А потом

придётся прощаться.

У неё перехватило дыхание.

— Юра...

— Я знаю, это глупо, — перебил он. — Мы знакомы два дня. Но ты — первая за полгода, с кем мне не страшно молчать. С кем не надо притворяться. И я боюсь, что если мы продолжим — потеря будет невыносимой.

Она смотрела на него долго.

— А если не продолжать? Если разойтись сейчас, пока не поздно? Будет легче?

Он покачал головой.

— Нет. Уже поздно.

— Почему?

Он повернулся к ней, и в его глазах она увидела ту же пустоту, что знала так хорошо.

— Потому что я уже привык, Ника. За один вечер. За один разговор. Я уже хочу знать, что ты будешь здесь завтра.

Она молчала. Потом протянула руку и коснулась его пальцев.

— Я тоже хочу, — сказала она тихо. — И я буду.

Он посмотрел на её руку, потом медленно перевернул ладонь и сжал её пальцы.

— Тогда давай не думать о том, что будет потом. Давай просто... быть сейчас. Пока можем.

— Договорились.

Они сидели на камне, держась за руки, и смотрели, как

солнце опускается в море, окрашивая его золотом и багрянцем.

— Красиво, — сказала она.

— Красиво, — согласился он.

Но смотрел он не на закат.

Вернулись к скамейке, когда уже стемнело. На небе зажигались звёзды.

— Завтра? — спросил он.

— Завтра, — ответила она.

Он проводил её до калитки.

— Ника.

Она обернулась.

— Спасибо, — сказал он. — За то, что пришла.

Она улыбнулась в темноте.

— Спасибо, что позвал.

И ушла. А он стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду. Впервые за долгое время ему не хотелось считать дни. Он хотел считать встречи.

ГЛАВА 3. Кофе и булочки

На следующий день она снова пришла рано. Солнце ещё не угасло, но уже клонилось к горизонту, разливая по небу жемчужные тона. Море, сегодня смиренное, лениво накатывало на берег, дышало, приоткрывая и закрывая влажные губы прибоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.